

Третий Высоцкий

Интерес к Высоцкому снова носится в воздухе - и впервые это интерес подлинный. Не полузапретная, фрондерская в основе любовь образца семидесятых, не государственная канонизация вкупе с кликушеством фанатиков образца восьмидесятых - нет: интерес, рожденный настоящей потребностью. Никогда еще Высоцкий не был так нужен. И не в том дело, что пора переосмыслить отношение к нему, как переосмысливает конец века все мало-мальски серьезное; просто анемичными и беспрецедентно пошлыми временами востребованы энергичные и хорошо, со вкусом сделанные вещи.

ИСКИ его нарахват. Музыкальные станции выдают в эфир как хитовые, так и редкие, полуизвестные его песни. Книги переиздаются регулярно и все равно не залеживаются. Телевидение показывает его картины, и даже такая слабая вещь, как "Опасные гастроли", набирает рейтинг не меньший, чем очередная "Жертва тропиканки". Одним из симптомов этого нового интереса стала и публикация в ежемесячной газете "Совершенно секретно" летописи последнего года Высоцкого. Если кто не знает, "Совсекретно" - это то самое издание, которое, почти не скрываясь, выступает апологетом спецслужб и проводником их политики: пыталось затоптать Витухновскую, публиковало подобоострастное интервью с Зюгановым, а теперь выдает текст, в котором о последних песнях Высоцкого - ни слова, зато о наркомании его - больше чем достаточно. Задача проста: изобразить Высоцкого рабом шприца, а его окружение - шайкой поставщиков зелья. Но и сквозь тотальную ложь этих изысканий пробивается жуткая правда: видно, от какого количества ничтожеств, регламентировавших всякий шаг поэта, зависела его жизнь.

На самом деле на современном литературном безрыбье гигантский талант Высоцкого особенно очевиден, а потому и интерес к нему так серьезен. Первым и пока единственным исследованием его текстов остается блестящая книга В. Новикова, демонстративно названная "Писатель Владимир Высоцкий". Сегодня, когда из стихов стремительно уходят сюжет, внимание к реалиям, уходит, вообще говоря, современность, - ярче прежнего засияли баллады Высоцкого, его эпос, его чувство детали и умение слепить героя, выстроить его неповторимую речь, выдумать биографию. Напрасно пытались свести его бесчисленных героев к некоему обобщенному, брутально-мужественному, декоративно-хриплому имиджу: у Высоцкого был не один голос, его

"осипший баритон" свободно варьировался в огромном диапазоне - от истеричного блатного тенорка до басовитого добродушно-похмельного "бу-бу-бу", от фольклорно-скороговорного речитатива или пьяньенского высокопарного многословия до романтической декларации. Текст Высоцкого необычайно плотен, хитро заверчен. Рассказать историю вообще трудно, сделать же это средствами чисто поэтическими - композицией прежде всего, - задача для большого поэта. Нынешняя литература отчего-то избегает жесткой фабулы (это касается и бумажных детективов, в которых все фабулы одного мафиозно-афганско-блядского покроя).

Главное же, что роднит Высоцкого с его наиболее одаренными современниками (я назвал бы прежде всего Слуцкого), - интерес к серьезным вещам, куда более значимым, чем слава, репутация, уважение тусовки и прочая. Вот о чем он заботился меньше всего! Фабулу умеет выстроить только тот, кто твердо стоит на земле, кто знает, что он любит и чего

не любит. У Высоцкого на этот счет имелась весьма определенная декларация. Пафос его всегда приправлен иронией (потому что поэтическая речь, по Мандельштаму, есть скрещенный процесс), но без пафоса литературы нет. У нас повелось цитировать самые слабые строчки Галича: "А бойтесь единственно только того, кто скажет: "Я знаю, как надо". Человек обязан знать, как надо, - для себя знать, а не для всего человечества; иначе он шагу не сделает. Высоцкий четко себе представлял, что ему надо, - а потому в его текстах ощущается такая сила: не сила "мужика", которого из него пытаются сделать, а сила творческой воли (энергетика его песен возникает не благодаря, а иногда вопреки экспрессии исполнения, за счет чистой литературы). Наконец, надо уметь ненавидеть и не бояться такого прекрасного чувства, как ненависть, - и тогда можно, хотя бы и на заказ, написать блистательную, мощную "Балладу о ненависти": "Ненависть юным уродует лица, ненависть просится из берегов, ненависть жаждет - и хочет напиться черною кровью врагов"...

Эпоха остается в эпосе, хотим мы того или нет. Лирика лирикой - хотя сегодня под лирикой почему-то понимают повторение расплывчатых банальностей, - но именно баллада, вещь сюжетная, повторенная на мощных столкновениях мощных характеров, по-настоящему заводит и автора, и аудиторию. Кроме того, Высоцкий отнюдь не зацикливался на себе: он умел и любил побыть другим, и потому рассказчик в "Том, что раньше с нею был" разительно походит на рассказчика в "Том, который не стрелял". Может быть, именно зацикленность на собственном опыте и неспособность перевоплотиться погубила несомненно талантливых Башлачева и Дягилеву, довольно рано осознавших неизбежность самоповтора, исчерпанности. Не сказать, чтобы Высоцкого выручало пресловутое "знание жизни": он отнюдь не любил вариться в ее гуще, тем более что под знанием жизни в России обычно подразумевается знакомство с самыми черными ее сторонами. Он просто не боялся жизни, ибо чувствовал себя в ней органично. Именно это делает Высоцкого таким нужным сегодня: мы-то жизни очень боимся, потому что жизнь эта нам чужая и люди вокруг гораздо более чужие, чем в семидесятых. Не по общности тоскуем мы, но по интересу к другим - и по интересу других к нам. Мы Высоцкому интересны и потому так к нему тянемся. Вот почему я в последнее время безотчетно его напеваю про себя все чаще и чаще, извлекая из памяти с детства там хранящиеся и на время кликушества запертые строчки. Например, замечательно хлесткое "Нет меня, я покинул Расею, мои девочки ходят в соплях"... Или, столь актуальное при нынешних ценах на жильё: "Соглашайся хотя бы на рай в шалаше" (вообще одна из моих любимых песен Высоцкого). Или просто великое: "Боязно, боязно, боязно дворникам". Тут-то и начинаешь понимать, что лучший современный бард N и лучший современный поэт L мне во много раз ближе, но во столько же раз и мельче Высоцкого: он делал литературу из жизни, а они - жизнь из литературы. Кроме того, Высоцкий был развивающийся поэт. Его поздние песни лучше ранних, хотя и ранние превосходны. Кто из современных молодых литераторов, застывающих обычно на первом витке спирали, может о себе сказать подобное?

... Высоцкий возвращается. На этот раз кликушества не будет, потому что возвращается он не ко всем. Для кого-то он так и останется монументом, аляповатым изображением на календаре, муляжом, изготовленным на потребу публике. Но к кому-то - к настоящей своей аудитории, не особенно, кстати сказать, многочисленной, - он приходит еще триумфальнее, чем прежде. Мы выросли на нем, и выросли, по-моему, неплохими.